
З. А. Джандосова

Отражение социальных перемен в свадебном ритуале казахов

В течение двадцатого века свадебный ритуал казахов дважды претерпевал серьезные изменения. Первый раз это произошло в советскую эпоху, когда традиция, особенно в городах, начала агрессивно вытесняться внеэтническим советским стилем. В первую очередь изменения коснулись отказа от *неке* (от араб. *nikah*) — мусульманского бракосочетания в мечети или просто в доме (юрте) в присутствии муллы и двух свидетелей¹. Совершение обряда бракосочетания муллой если и проводилось, то, как правило, тайно, особенно если жених и / или его отец был членом партии и занимал сколько-нибудь значимую партийную или советскую должность. Любопытно, что при этом термин *неке* сохранялся в советское время в значении «бракосочетание» (в казахском языке появились калькированные с русского выражения *неке кагазы* / *неке куәлігі* (свидетельство о браке), *Неке сарайы* (Дворец бракосочетания), *неке жузігі* (обручальное кольцо)), хотя сугубо религиозный смысл из него был выхолощен. В советское время регистрация брака проводилась в ЗАГСх или сельсоветах.

В советский период заметно изменились и упростились в сравнении с традиционными брачный и свадебный ритуалы. Помимо атеистической идеологии, на их трансформацию замет-

---

¹ Ср. с описанием традиционного бракосочетания у казахов: «Мулла становится посередине, ставит перед ними чашу с водою и, покрыв оную полотном, читает молитвы, потом спрашивает соединяемых, охотно ли они приступают к браку, и трижды поит их водою, наконец дает оную пить всем предстоящим... Некоторые муллы в чашу с водою кладут при сем случае стрелу с привязанным к ней клочком от гривы жениховой лошади и с лентою невесты, другие погружают в воду написанные на бумаге молитвы». А. И. Левшин, *Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей* (Алматы, 1996).

но повлияли массовая седентаризация казахов в начале 1930-х годов, урбанизация, усилившаяся в послевоенное время, общая интернационализация жизни (связанная не только с многонациональным составом населения республики, прежде всего в городах, но и с интернациональным характером образования и производства), введение всеобщего среднего образования, массовое вовлечение женщины в общественное производство. Идеологической атаке подверглись и были объявлены требующими искоренения пережитками прошлого *калым*, многоженство, несамостоятельность женщины в выборе мужа, полная подчиненность жены мужу, а невестки — свекру, свекрови и другим старшим родственникам мужа, запреты на участие женщин в общественной жизни и т. п.

Следствием этого и стали значительные изменения в брачных обычаях. Так, во многом утратила силу «воля родителей» в вопросе заключения брака. Если родители оставались в ауле, то их дети, попавшие в город в качестве студентов или рабочих, могли заключать и часто заключали браки по собственному усмотрению. Начиная с 1920-х годов, распространились такие случаи повторного брака, как женитьба казаха на горожанке при наличии традиционной (т. е. сосватанной родителями) жены в ауле. С этого же времени фиксируется и рост межнациональных браков, поскольку вторыми женами-горожанками зачастую оказывались татарки и русские. Начали исчезать такие варианты сватовства, как *бел құда* (сговор до рождения детей) или *бесік құда* (колыбельный сговор). Трансформировалось и обычное сватовство. Иногда оставшихся в ауле родителей просто «ставили перед фактом» уже состоявшегося брака, но чаще все же сообщали им о своем выборе заранее, и родители организовывали формальное сватовство, договариваясь об устройстве свадьбы, и соблюдали ритуалы взаимных посещений и одариваний. Первый случай отчасти напоминает вариант брака путем умыкания (похищения), который, согласно традиции, так или иначе вел к последующему сватовству с выплатой *калыма* плюс штрафа². И если обойтись без *калыма* в случае самостоятельно заключенного брака еще можно было, то подарков родственникам невест-

---

² Х. А. Аргынбаев, *Семья и брак у казахов*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (Алма-Ата, 1975), с. 118 (монография автора «Семья и брак у казахов» вышла в 1973 г. на казахском яз.)

ты жениху и его родителям (с целью восстановления «правильного» положения и примирения сторон) было не избежать (жених, а по сути, уже муж, наносил визит родственникам жены, одаривал женщин отрезами материи, платками и т. п.) На этот счет даже бытует популярная в народе пословица *Қалыңсыз қыз болса да, кәдесіз күйеу болмайды* (Невеста может быть взята и без калыма, но жених без подарков никак не обойдется).

И тем не менее, несмотря на внешнее давление, брачные традиции казахов оказались весьма консервативными. Несмотря на провозглашение принципа добровольности вступления в брак, большинство родителей продолжало вести себя активно, полагая, что столь важный вопрос, как брак детей, нельзя пускать на самотек. Длительный подбор и обсуждение возможных кандидатур, как бы «нечаянное» знакомство сыновей и дочерей с вероятными кандидатами в невесты или женихи, обмен визитами предполагаемых сватов с целью проведения негласных смотрин были распространенной практикой среди казахов не только в ауле (селе), но и в городе на протяжении всего исследуемого периода, включая период 1970—80-х годов. Наибольшей интенсивности эти импровизированные смотрины достигали после того, как дочери и сыновья переходили определенный возрастной порог (для девушек, как правило, совпадавший со временем окончания учебы в вузе, а для молодых людей гораздо более высокий: всерьез искать невесту начинали женихам, оставшимся холостяками лет до тридцати, тогда как для девушек критическим считался 25-летний возраст). Добровольность выбора в таких случаях, как правило, означала добровольность выбора из многих или нескольких предлагаемых кандидатур. Чем более знатной (в советское время — «номенклатурной») и состоятельной была семья, тем более тщательным был подбор кандидатур. В соответствии с традицией, распространенной у многих других народов (например, у пуштунов), казахи стремились не понижать негласный статус своей семьи, отдавая дочь за отпрыска менее высокопоставленной и состоятельной семьи, чем их собственная. Воспитывая дочерей, обязательно обращали внимание на этот момент. К выбору сыновей относились не так строго, причем это послабление распространялось и на мезальянс, и на межнациональный брак.

Определенный консерватизм прослеживается и в таких чертах традиционного брака, как *калым* и приданое. В кочевые времена *калым* уплачивался скотом и зависел от уровня состоя-

тельности семьи. Он исчислялся в 7—17—27—37—47 (в Западном Казахстане «двадцатками») голов кобылиц или эквивалентном количестве мелкого рогатого скота. Приданое невесты традиционно составляло, помимо ее личных вещей, юрту и необходимую для хозяйства утварь. Что касается расходов на свадьбу, то их несли обе стороны, так как традиционно проводилось две свадьбы — сначала в ауле невесты (*ұзату тойы*), а затем в ауле жениха (*үйлену тойы*). При этом и та, и другая стороны несли большие расходы на взаимное одаривание. Исследователи казахского брака советского времени пишут о полном изжитии *калыма*, однако есть все основания предполагать, что он сохранился, хотя и в трансформированном виде. При переходе всего скота в коллективную или государственную собственность, разумеется, *калым* больше не мог уплачиваться скотом, а идеологическое давление извне требовало его маскировки, чаще всего под многочисленные подарки сватам. По мере роста благосостояния казахов в послесталинскую эпоху размеры подарков, как и соответствующего приданого и подарков ответной стороны, стали увеличиваться.

Несмотря на распространенность в советское время, особенно в городской среде, так называемых «комсомольских» или «студенческих» свадеб, многие детали традиционного свадебного ритуала сохранялись и соблюдались, если в устройстве свадьбы так или иначе принимали участие родители молодоженов. Начиная с 1960-х годов массовым явлением стали свадьбы в кафе и столовых (а в сельской местности — в клубах), характерной чертой которых явилось эклектическое смешение «новых» и «старых» обычаев, последние из которых, рассматриваемые как «народные» (*жар-жар, шауу, беташар, той бастар*), порой считались необязательной уступкой консервативным взглядам пожилого поколения родственников, особенно приехавших из аула, и на собственно «комсомольских» свадьбах в случае отсутствия старших родственников часто не соблюдались. Брак в городе делал невозможным проведение традиционных двух свадеб — в ауле невесты (проводы) и в ауле жениха (встреча), делал формальными или неосуществимыми многие обряды, порождая новые обычаи, общие для горожан разных этносов. Среди «новых» обычаев, прижившихся в поздний советский период, можно назвать пригласительные билеты на свадьбу, совместное застолье старшего и молодого поколений (в нарушение старого обычая избегания старших родственников

молодыми во время свадебного пира), фотосъемка, заполнение присутствующими «альбома пожеланий», приглашение эстрадного ансамбля, профессиональных музыкантов и тамады (каз. *асаба* или *той ағасы*).

Второй раз свадебный ритуал у казахов подвергся серьезным изменениям в последние пятнадцать лет — после обретения Казахстаном независимости и связанным с этим национальным «ренессансом» казахов. Эти изменения происходили и происходят не столько в связи с «реабилитацией» ислама (что не так существенно для казахов, хотя и имеет место), сколько в связи с повышением интереса к своей этнической идентичности со стороны казахов, являющихся горожанами во втором-третьем поколении.

Поясним это обстоятельство. Традиционное казахское общество было кочевым; казахи кочевали аулами, представлявшими собой патронимические группы, не так часто или вообще не пересекавшиеся друг с другом. Экзогамный принцип заключения брачных союзов (брачующиеся не могли быть близкими родственниками — ограничение касалось примерно семи поколений) делал маловероятной встречу жениха и невесты, а также их родственников, до свадьбы. Брачный ритуал был длительным, поэтапным и детализированным, и каждый обряд в нем был исполнен глубокого смысла. Утрата кочевого типа хозяйства и переход на оседлость, а также урбанизация и иные перечисленные выше социальные изменения привели к кардинальным изменениям в казахском обществе, по сути переставшем быть традиционным и этничным. Происходившие в обществе изменения вызывали неоднозначное отношение в самой казахской среде. Той частью общества, что продолжала жить в сельской местности («в ауле»), утрата традиций городскими казахами воспринималась весьма болезненно. И в то время как сельские казахи продолжали оставаться хранителями языка и традиций и в целом носителями традиционного мировоззрения, городские казахи (горожане второго и третьего поколения) были в большей степени вовлечены в процессы модернизации, и их мировоззрение, особенно в условиях доминирования русского языка и интернациональной городской культуры, оказывалось трансформированным в сторону деэтнизации.

Обретение Казахстаном независимости привело к явному возрождению интереса ко всей совокупности старинных обычаев и традиций, которые воспринимаются как «казахскость»

(*қазақшылық*), а также к особенностям этнопсихологии и менталитета, которые рассматриваются как присущие казахам (*қазақтық мінезқұлық*). В конце советской эпохи казахское общество оказалось в странном подвешенном состоянии, которое можно назвать наполовину модернизированным, наполовину традиционным. Исчезновение влияния советской идеологии и идеологический вакуум начала 1990-х годов вызвали тенденцию к реэтнизации казахов-горожан непервого поколения, выразившейся в интересе не только к языку, но и к сохранившимся в ауле традициям. Однако спрос рождает предложение. Встречный интерес заново этнизирующихся городских казахов, являющихся, как правило, носителями нетрадиционного мировоззрения, и лиц, занятых в свадебном бизнесе, породил новые сценарии свадеб «с этническим лицом» и особую свадебную моду. При этом совершенно определенное влияние на разнообразие не только необязательной, но и обязательной части ритуала оказывает усилившееся в последнее время социальное расслоение общества. В связи с этим можно выделить понятие «новой казахской свадьбы», ритуал которой во многом определяется материальным достатком семей.

Несмотря на то, что сценарии проведения «новых казахских свадеб» являются, как правило, know-how каждого профессионального *асаба*, они все же иногда публикуются. Так, редкое издание «Үйлену тойы» («Женитьба» — точнее: *свадьба женщины*)³ включает в себя три подробных сценария проведения свадьбы, тексты обрядовых свадебных песен, афоризмов и мудрых изречений «в тему», народных и авторских песен о любви и молодости. У каждого сценария свой автор (авторы), они различаются по стилю и по направлению (городская, сельская свадьба). Один из сценариев отражает специфику еще советской казахской городской свадьбы (с некоторым этническим уклоном). Согласно нашим собственным наблюдениям, опросу нескольких десятков человек, жителей Алма-Аты и Астаны, бывших участниками новых казахских свадеб последнего десятилетия либо в качестве женихов и невест, либо в качестве гостей, а также опросу работников новых дворцов торжеств, специально занимающихся устройством свадеб, можно зафиксировать некоторые изменения, прошедшие со времени опубликования

---

³ *Үйлену тойы* (Алматы, 1992).

указанных сценариев, и выяснить эволюцию ее ритуала в сторону т. н. «новой казахской свадьбы».

Ниже приводится (в сокращенном виде) вариант сценария городской свадьбы в ресторане (авторы Ш. Алдашев, У. Жайлауов).

«Свадебный пир молодоженов — большая радость. В первую очередь ему радуются, с усердием принимают участие в подготовке всего необходимого родители и ближайшие родственники молодых, а вслед за ними и более дальние родственники с обеих сторон. Определяется день проведения свадьбы, рассылаются приглашительные билеты. Непременным условием является украшение места проведения свадьбы. Здесь нет ограничения воле и фантазии организаторов. Так, на видное место можно поместить или развесить надписи с народными поговорками вроде “Родина начинается с семьи”, “Свадьбу сыграть легко, семью создать — трудно”, “Единство семьи — в дружбе и согласии” и т. п. Повсюду развешиваются ленты и шары. Распорядители тоя и их помощники украшают зал эмблемой из пары колец. Расставляются столы в соответствии с числом приглашенных гостей. Решается вопрос с музыкальным обеспечением праздника».

И приглашительные билеты, и эмблема из двух колец, и украшение помещения (как правило, банкетного зала ресторана или кафе) лентами, шарами и слоганами относятся к числу ритуальных новшеств, появившихся в позднее советское время и получающих бурное развитие в наши дни. На современных свадьбах можно увидеть огромные фотопортреты молодых, гроздь воздушных шаров и т.п. Как и пишут авторы сценария, фантазии устроителей есть где разгуляться. К тому же, казахская пословица гласит: *тойдың болганынан боладысы қызық*, что означает: «интересен не сам той, а подготовка к тою».

Одна из наших информанток, работающая в свадебном бизнесе, рассказывает: «Оформление зала — особый атрибут свадебного торжества. Оформить зал можно своими силами, повесить на стенах разноцветные шарики, плакаты с афоризмами и пословицами народов мира, постелить ковер и т. д., но лучше доверить это дело профессионалам... Профессионалы за 20 тысяч тенге могут украсить помещение шариками, цветочками из бумаги или ткани. Особое внимание при оформлении уде-

ляется тому месту, где будут сидеть молодожены (в большинстве случаев это отдельный подиум. Сейчас его стало модно оформлять как *шаңырақ*⁴ юрты. Оформителей приглашают в самый день свадьбы. Им хватает три часа, чтобы обычный зал столовой превратить в свадебный» (Ж. Н.)⁵ Совершенно очевидно, что в оформлении свадебного зала этнический элемент является вторичным, если вообще присутствует. Оформители могут быть русскими или представителями других этносов — здесь никаких ограничений или условий нет.

В зависимости от достатка устроителей свадьба проходит либо в специальной *той-хана* (на юге), вмещающей до 1000 человек, либо в большом ресторане, с банкетным залом на 300—500 человек, либо в скромном кафе, вмещающем не более 150 человек. По мнению многих информантов, главная идея свадьбы — показать достаток. «Молодые сидят за отдельным столом с друзьями и почетными аксакалами — родителями и дорогими гостями. К их столу приближены столы дорогих гостей, чем дальше от главного стола, тем менее солидны гости. Бедных родственников... всегда оттирают к самому краю. Для молодежи — гостей со стороны молодых — либо зонтируется какая-то часть зала, либо, по возможности, они сидят вообще в отдельном помещении, куда молодые периодически перемещаются, тоже за почетный стол, но уже без старших» (Р. А.)

Вернемся к сценарию свадьбы:

«Уделяется серьезное внимание подготовке праздничного меню. Оно должно включать самые разные блюда, фрукты, сладкие и прохладительные напитки, сладости, кумыс».

В другом варианте сценария специально оговаривается, что, хотя основными напитками за столом должны быть кумыс, *шұбат* (напиток из верблюжьего молока) и прохладительные напитки, все же в наше время допускается употребление шампанского или иных искристых вин (*аққайнарлар*). В реальной жизни современные казахские свадьбы почти всегда алкогольные. На столах стоят коньяк, водка, различные вина, минеральная вода, кока-кола и соки, а также традиционные *шұбат* и кумыс, которые ставят на стол в графинах и наливают в пиалы

⁴ Деревянный круг на верхушке юрты, дымоход юрты.

⁵ Полные имена информантов не указываются по их просьбе.

(*кесе*). Водка покупается, «как правило», из классического расчета пол-литра на человека. Горячие блюда все национальные — т. н. «мясо по-казахски» (разг. *бесбармақ*, *бейбармақ*), манты, плов, *сірне* (*қуырдақ*). Остальное — как на обычных банкетах и пиршествах: салаты, холодные закуски, копчености, мясное ассорти, которое, впрочем, обязательно включает в себя разные виды конской колбасы (*қазы*, *қарта* и т. п.). Наши информанты утверждают, что как среди устроителей (хозяев) пира (*той иелер*), так и среди *асаба* есть ревнители «ритуальной чистоты» обряда, полагающие, что на *дастархане* (праздничном столе) не должно присутствовать ничего нетрадиционного. Так, например, должна быть исключена курага, но может присутствовать урюк с косточками, могут лежать яблоки, но не бананы и т. п. (Г. Д.)

«До начала свадебного пиршества молодожены возлагают цветы к Вечному огню, к другим мемориальным местам, а перед этим проходят регистрацию брака во Дворце бракосочетания либо в местном ЗАГСе и слушают добрые слова и пожелания».

За время, прошедшее с момента опубликования цитируемого сценария, произошли изменения в этой части ритуала. Так, в Алма-Ате, помимо старого, существующего с 1960-х годов Дворца бракосочетания в форме двух колец, вложенных одно в другое, появились частные предприятия, проводящие в шикарных помещениях торжественную регистрацию. В Астане самым популярным местом для проведения торжественной регистрации является Дворец торжеств. Новшеством самого последнего времени является проведение регистрации в драматическом театре. Стоимость двадцатиминутной регистрации колеблется от 500 до 3 тысяч долларов в зависимости от набора предлагаемых услуг, включающих фото, видео, воздушные шары, серпантин, искусственный снег, мыльные пузыри, пускание голубей и проч. Регистрация брака в обычном ЗАГСе будет стоить недорого, но так как свадьба традиционно является для казахов не только одним из основных обрядов жизненного цикла, но и средством демонстрации и подкрепления определенного социального статуса семьи, то, как правило, люди идут на большие и очень большие расходы ради сохранения уважения ко всему роду. Маршрут свадебного кортежа между Дворцом бракосочетаний и рестораном обычно включает: в Алма-Ате —

возложение цветов к Вечному огню в парке имени 28 гвардейцев-панфиловцев и поездку на Медео, а в Астане — посещение аэропорта, возложение цветов к монументу жертвам политических репрессий, катание по набережной Ишима.

«Пока свадебный кортеж следует от места регистрации к месту тоя, организаторы пира должны успеть расставить посуду и блюда, проследить за работой поваров. Наконец свадебный кортеж приближается. Перед началом собственно свадебного пира гости и родственники встают у входа в ресторан, причем девушки и парни разделяются на две группы, оставляя проход между собой открытым. При появлении молодых начинают осыпать их монетами, конфетами, баурсаками — [этот обряд называется *шашу*; считается, что он связан с космогоническими представлениями казахов. — З. Дж.]»

На свадьбе жениха (собственно *үйлену тойы*) жених и невеста иногда входят по белой дорожке, символизирующей светлый путь. Белая дорожка (*ақжолы*) присутствует во многих обрядах казахов и сочетается с *шашу* — осыпанием сладостями и монетами (например, и белая дорожка, и *шашу* присутствуют в широко известном обряде перерезания пут, проводимом в первую годовщину младенца; эта же дорожка часто присутствует на проводах невесты (иногда называемых свадьбой в доме невесты — *ұзату тойы*): невесту уводят с этого пира по белой дорожке).

«Асаба произносит или поет, подыгрывая себе на домбре, приветственный текст:

Сбылись лучшие мечты, заветные желания,
 Все полны радости, все веселы.
 Приветствую вас, люди нашей общины,
 Приветствую вас, жигиты нашего аула!
 Взволнованы молодые сердца,
 Поднялись на вершину своих мечтаний.
 Приветствую всех, пришедших на свадьбу,
 Приветствую милых, смеющихся глазами девушек!
 Все прижимают к груди букеты цветов,
 У всех ликующее настроение.
 Вот идут они, молодожены! Так что, публика,
 Для начала встретим их песней жар-жар!»

Роли тамады-*асаба* придается большое значение, ибо он должен не только умело заводить публику, импровизировать и вовремя передавать слово от одного другому в строго определенном порядке, согласно установленной традицией иерархии, но и обязан знать сложную подноготную родовых и семейных взаимоотношений, who is who в плане родственных отношений, запомнить, кого как зовут, что весьма сложно на многолюдном собрании. Поэтому о хорошем *асаба* говорят: *Он саусығынан бал тамған* — всесторонне одаренный (человек), мастер на все руки, (букв. «на десять пальцев»). Считается, что то, насколько интересно пройдет свадьба, зависит от *асаба*: «Асаба — не организатор тоя (свадьбы), он — краса тоя, украшение тоя». Вступительное приветствие *асаба* бывает как импровизированным, так и заготовленным заранее. Как сказано в одном из сценариев, «если сам *асаба* не обладает талантом импровизатора, то можно воспользоваться сочинениями других акынов, так как есть много песен такого рода». Конечно, высший пилотаж для *асаба* — умение импровизировать. Часто в роли *асаба* выступают профессиональные певцы и артисты, но, для того чтобы импровизировать, этого мало. Как и в старину, настоящий акын-импровизатор — редкость, и его услуги (как, впрочем, и услуги профессиональных оперных певцов, часто приглашаемых петь на свадьбах) стоят недешево.

Вот живое свидетельство вступительной импровизации *асаба*, зафиксированное в рассказе казахстанского писателя В. Гордеева: «Я впервые слышала, как поет, подыгрывая себе на домбре, тот, кто сочинил песенное приветствие молодым. Я сама видела, как он ходил по кухонному закутку и бормотал, иногда ругаясь по-русски, а когда песня была готова, ему дали полстакана водки, накинули на плечи зеленый бархатный халат, подали украшенную разноцветными стеклышками домбру и поставили на самый край зала, туда, где кончается лестница, ведущая в зал, и, когда жених с невестой начали по ней медленно, торжественно, вполне ритуально восходить, он запел!.. Это был живой голос, и он был такой сильный, что завибрировали стекла, сдавило в солнечном сплетении, и так этот голос высоко поднялся, что, казалось, вырвется сквозь открытые окна и улетит»⁶...

⁶ В. Гордеев, <http://prostor.samal.kz/texts/num0103/gor0103.htm>.

В Алма-Ате и Астане особо ценится двуязычный *асаба*, способный одинаково хорошо импровизировать и на казахском, и на русском языках. В зависимости от состава гостей бывают и чисто казахские в языковом отношении свадьбы, но для двух казахстанских столиц (особенно для Алма-Аты) это нетипично. Как правило, и церемония, и свадьба идут на двух языках, причем русский текст является не переводом, а продолжением казахского. Гости говорят на том языке, на котором желают, и их в условиях двуязычия понимают без перевода.

«В этот момент девушки и юноши начинают петь песню жар-жар: дустишие девушки, потом дустишие — юноши.

Д: Мы выращены заботливыми руками, жар-жар
Мы цветы, возвращенные в саду, жар-жар.

Ю: Вы цветы, достигшие зрелости в счастливой семье,
жар-жар
Цветы, возвращенные для жигитов, жар-жар.

Д: Ах, этот парень, такой-сякой, жар-жар
Сорвал цветочек в нашем саду и унес его,
жар-жар.

Ю: Маленький жеребенок завтра будет стригунком,
жар-жар
Еще один цветочек вырастет в вашем саду,
жар-жар.

Д: Пусть и на нашу голову сядет птица счастья,
жар-жар
Пусть и у нас будет такой пир, как сегодня,
жар-жар.

Ю: Давайте же, друзья, споем песню, жар-жар
Встретим наших молодоженов, жар-жар».

Текст песни *жар-жар* (вариантов которой бесчисленное множество, но основной принцип переключки между группами провожающих невесту девушек и отражающих мнение стороны жениха юношей сохраняется) в настоящее время заранее раздают в распечатанном на листочках виде всем желающим принять участие в ее исполнении. Как правило, это оказывается очень кстати, так как большинство присутствующих не знают песню наизусть. Традиционно песня *жар-жар* исполнялась при провах невесты в ее родном ауле во время *ұзату тойы*. Но и содержание ее в тех случаях соответствовало теме проводов, а не встречи. Так как в современных условиях, особенно в большом

городе, проводят одну «большую казахскую свадьбу» (ей, впрочем, предшествуют пышные проводы невесты), то и совмещают обряды, свойственные разным этапам традиционного свадебного ритуала.

Приведем перевод другого варианта песни *жар-жар*, также отражающий мотив не проводов, а встречи невестки (*келін*):

«Воссиял огонь новой жизни, жар-жар!
Расступитесь: идут молодые, жар-жар!
Здесь и старые, и молодые люди аула,
Все пришли посмотреть на молодую невестку.
Да будет славен наш пир, сверстники!
Сбирайтесь сюда, чтобы разделить эту радость!
Пусть будет счастье у той, что переступает новый порог,
Пусть будет счастье в новом доме с ее приходом!

Сразу после этого асаба объявляет беташар».

Беташар — известный обряд открывания лица невесты. Таким образом, в современном свадебном ритуале происходит смещение обрядов проводов невесты в ее родном ауле (с песней *жар-жар*) и встречи ее в ауле жениха обрядом открывания лица — *беташар*. «Сейчас этот обряд соблюдается обязательно на любой казахской свадьбе. Невеста — *келін* — идет по белой дорожке, а две замужние тетушки (*жеңгелер* — одна со стороны жениха, другая со стороны невесты) держат белое покрывало, идя по обеим сторонам от невесты по направлению к *асаба* или к тому человеку (*беташар жырышы*), который будет петь *беташар*. Тетушки убирают покрывало, и начинается песня *беташар*. В первой ее части воспеваются красота молодой невестки. Затем *беташар жырышы* воспевают новых родственников *келін* — свекра, свекровь, братьев и сестер жениха, тетушек, дядюшек и т. п., и когда в конце каждого куплета, посвященного одному из перечисленных, звучат слова — *Бір сәлем* («приветствие, поклон»), *келін* кланяется. Те, про кого пели и кому она поклонилась, идут и кидают деньги на поднос в благодарность за уважение и покорность. *Беташар жырышы* (это может быть сам *асаба*) искусно заводит гостей. Деньги с подноса идут *асаба*» (Д. Ж.). Поднос присутствует не на каждой свадьбе.

«Беташар жырышы поет песню беташар. Вступительная часть — хвалебное описание *келін*, часть вторая — поклоны

келін свекру, свекрови, деверю, жене деверя (абысын) и всей публике.

Один из вариантов беташар:

О, сбравшаяся публика, потерпите немного!

Всех, кто пришел посмотреть на невесту,

я приветствую и всем кланяюсь.

Глядите же, вот пришла келін!

Платите же за погляд! [букв. давайте же *көрімдік!*]

На далеком озере была келін

самой белой из всех лебедушек.

Какое счастье, что эта келін

Будет теперь в нашем ауле, на нашем озере.

Наша келін стройная, как тростинка,

Резвая, как жеребенок...

Итак, уважаемая публика,

Смотрите, какое лицо, какая фигура!

Наконец вы видите лицо молодой келін.

Подойди же, келін,

Не возражай, уступай.

Я сейчас буду петь,

А ты, кланяйся, кланяйся,

Пока не заболит поясница.

О, родственники, берите подарки.

Открыв лицо невесты, берите за погляд.

Милая невестушка!

Здесь сидит твой свекор.

Он ждал этого дня,

Он собрал здесь многих людей,

Чтобы они пировали на этой свадьбе.

На груди его звезда

Засверкала, засияла.

Твоему свекру поклон!

А теперь, келін, послушай внимательно,

Что я скажу в назидание.

Без огорчения выполняй свою работу,

В соответствии с приличиями помалкивай,

Обидных слов не замечай,

А своей свекрови, что сидит здесь,

Поклонись!

Если кто-то над тобой подшутит,

Не принимай всерьез, не доводи до ссоры,

Ни о чем дурном не думай.
Если будешь смущаться, знай,
Твой главный опекун — твой деверь.
«Моя келін — золото!» — говорит он.
Где же этот славный деверь? Поклонись ему!»

И т. п.

Продолжение сценария:

«После завершения обряда беташар асаба приглашает гостей за дастархан, и они рассаживаются. В первую очередь усаживают сватов (родителей невесты, именуемых кұда и кұдағи, а также других родственников со стороны келін), молодоженов и родственников и гостей, приехавших из аула (последние пользуются на «новых казахских свадьбах» особым почетом еще и как носители традиционного мировоззрения, возможно, привередливо отмечающие, правильно или неправильно соблюдены те или иные обычаи. — З. Дж.) Юноши-помощники рассаживают гостей так, чтобы им было удобно, проверяют, чтобы у всех были приборы, и т. п.»

Согласно традиции, старшие и младшие во время тоя сидят отдельно, желательно в разных помещениях. Эту традицию стараются соблюдать и на современной свадьбе.

«Для открытия тоя избирают его председателем одного из пользующихся всеобщим уважением и знающего обычаи людей. Открыв той, выступающий говорит о том, что нынешнее радостное событие — совершенно особенное, а затем предоставляет слово по очереди всем желающим поздравить новую семью. Собравшиеся пируют, пьют и едят, поют, ведут шуточные разговоры, вовлекают других в игры, произносят добрые пожелания хозяевам праздника и молодым.

После этого исполняется песня “Тойбастар” (муз. Ж. Турсынбаева, слова Ж. Абдрашева), затем песня о матери “Ана тұралы жыр” (муз. Ш. Калдаякова, слова Г. Каирбекова) и песня об отце “Әке тұралы жыр” (муз. Н. Глендиева, слова М. Шаханова). После исполнения этих песен гости по очереди демонстрируют свое искусство. Победителям вручают призы. Конкурс продолжается. Песни сменяются танцами. Отдельные мастера демонстрируют свое ис-

куство. После этого асаба предоставляет слово свату — куда. Тот поет или демонстрирует иное искусство. Потом следует поздравление деверя. Он поет или исполняет кюй. Все пьют кумыс, шұбат, минеральную воду, лимонад.

Затем асаба предоставляет слово сватье — құдағи. После выступления құдағи исполняется песня “Ақ босаға” (муз. М. Рустемова, слова С. Жендирбаевой).

Далее наступает черед выступать товарищам, друзьям, одноклассникам молодых. Затем асаба в стихах обращается к аксакалам, приехавшим из аула. Затем исполняется песня в честь аксакалов. Проводится конкурс домбристов, победитель которого раздает призы присутствующим девушкам. По рядам пускается альбом, в который все пишут пожелания для молодых. После 5—10-минутного перерыва начинаются танцы».

«Тосты произносятся непрерывно в добешбармачной части (таково выражение информантки. — З. Дж.) — выступают самые древние и самые почетные аксакалы. Торжественно вручают подарки, причем для подарков выделяется отдельное место. И гости из числа бедных родственников, которые сидят по краям, их не слушают и развлекаются в свое удовольствие, так что на самом деле, это — самое выгодное место» (Л. Д.) Перед *бешбармаком* делается первый перерыв, после которого начинаются танцы. Обычно приглашается ансамбль, однако на более скромных мероприятиях танцуют под музыку пианиста с синтезатором. Вначале следует народная казахская музыка, потом переходят на интернациональную танцевальную, среди которой современные восточные хиты, турецкая и узбекская музыка, а также лезгинка, цыганочка, греческий танец сиртаки, еврейский танец «семь-сорок» и т. п.

Затем подают главное блюдо *тоя* — *бешбармак*, на блюдах с неразрезанной бараниной, и главный за каждым столом торжественно разрезает ее на мелкие куски (особенно это касается ритуала разрезания бараньей головы).

Пока гости наслаждаются «мясом по-казахски», выступают артисты. Традиционно на свадьбах пели и импровизировали сами гости. Особенно ценились острое слово, шутка, оригинальность сказанного тоста. Традиционная казахская культура развивалась в первую очередь как культура устного слова. Но на новой казахской свадьбе присутствующих развлекают обычно

профессиональные артисты разных жанров, в т. ч. оригинального жанра. Можно увидеть, например, артиста, жонглирующего ножами, «йога, глотающего огонь», акробатку с питоном, девушек, исполняющих «восточные танцы», шоуменов, артистов разговорного жанра (известные по передаче «Тамаша», аналогу российского «Аншлага») и т. п. («Эти номера запускаются во время *бешбармака*, когда аксакалы уже выговорились и вкушают мясо», — говорит наша информантка С. У.) У профессионального *асаба*, как правило, есть «свои» артисты, с которыми он привык работать. Артистов, как и эстрадный ансамбль, кормят за отдельным столом, накрытым здесь же, в зале. Чем богаче свадьба, тем известней приглашенные артисты. На свадьбах можно увидеть самых знаменитых эстрадных звезд — звездность артистов зависит от возможностей приглашающей их стороны. В начале свадебного пира звезды сидят за почетным столом, а потом, спев две-три песни, покидают зал. Устроители более скромных свадебных пиров приглашают малоизвестных артистов или ставят музыку в записи. Но, как и в традиционном обществе, чрезвычайно ценится умение самих гостей развлечь публику пением и / или игрой на домбре.

«После этого *асаба* проводит игры. Например, казахские народные игры “Санамак”, “Аразсын ба, татусын ба?”, “Ушты-ушты”».

После *бешбармака* объявляется еще один перерыв, в момент которого ансамбль и артистов угощают за отдельным столом. Когда музыканты возвращаются к инструментам, снова начинаются танцы, на этот раз с подключением западной музыки. Популярны и русские эстрадные песни прошлых лет, под которые танцуют, как правило, медленные танцы. Традиции вальса молодых или танца дочери с отцом нет. Вероятно, обилие казахской музыки в танцевальной части свадьбы связано с отсутствием собственно казахской танцевальной традиции. Если свадьба играется на нескольких площадках — скажем, выделяется отдельный молодежный зал, то там могут звучать и записи современной российской и западной поп-музыки. Разумеется, в ход идет и современная казахская эстрадная музыка.

«Танцуют в основном гости из числа простых, приглашенные аульские и напившаяся молодежь. Жених с невестой обычно сидят, а не танцуют» (Д. М.) В это же время приносят второе горячее — манты или плов. «Теперь еще новая мода — устраи-

вать фейерверк. Обычно после еды, перед чаем, гости выходят и запускают салют. Все кричат “Уао!” и возвращаются» (Д. Т.)

«Потом подают сладкое и чай. Поют песни в честь молодых. Исполняется песня “Жұбайлар жыры” (слова и музыка М. Шаханова)».

К чаю, которым всегда завершается пир, обычно подают *баурсаки*, конфеты, *чак-чак*, хворост, сухофрукты и т. п., плюс теперь (конец 1990-х — начало 2000-х годов) «почти повсеместно введен европейский обычай свадебного торта — многослойный, высокий, ввозится в зал при свечах, при выключенном электричестве. Невеста с женихом, держась за один нож, отрезают первый кусок» (С. Ж.)

С чаем на каждый стол разносятся прикрытые тканью подносы с подарками (*той бастар*). «Обычно это мужские рубашки, женские головные платки или косынки чеченского типа — с блестками, дешевые складные зонтики, носовые платки и конфеты» (С. Т.) Другой информант сообщает: «*Той бастар* идет с чаем. Железный поднос, на котором спиртные напитки (бутылка водки, коньяк и т. п.), отрезки ткани для женщин, платки в упаковке, все новое, соответственно посчитанное по количеству человек, сидящих за этим столом. На все столы заносится одновременно» (Г. Ж.) Принято не смотреть на то, что лежит на подносе (не открывать подноса), пока гости, по одному с каждого стола, не споют какой-нибудь песни. «Раньше на подносы с *той бастар* клали баурсаки, конфеты, сейчас кладут разные мелочи, которые людям будет приятно унести с собой: сувениры, платки, бутылки коньяка или шампанского и т. п.» (Г. Дж.)

«В конце *той* хозяева дома благодарят гостей.

Разумеется, в каждой местности в каждом случае могут быть свои тексты жар-жар, *тойбастар*, *беташар* и других песен, а также другие варианты игр».

Летом свадьбы часто проводят на открытых площадках, в том числе в виде фуршета, но это нетипично и скорее осуждается более традиционно настроенным старшим поколением казахов, поскольку фуршет не располагает к длинным тостам.

Следует сказать, что в последнее время, и это совершенно очевидно, ритуал диктуется не столько традицией, сколько модой, а также соревнованием между конкурентами в свадебном бизнесе. Между собой конкурируют не только профессиональ-

ные повара, ведущие-*асаба* и артисты, но и операторы фото- и видеосъемки (наиболее популярны и дорогостоящи профессионалы с телевидения), салоны по прокату автомобилей, ателье мод и салоны по прокату свадебной одежды и аксессуаров. Налаживается также бизнес, связанный с прокатом традиционной атрибутики и проведением таких сложных элементов традиционной свадьбы, как, например, конные игры и скачки (*байга*).

Как признается один из информантов, житель Астаны: «впечатление от возрожденных традиций такое — уже все привыкли, ажиотаж прошел. Просто делают по-казахски и все тут. Если есть средства — могут и байгу устроить, юрты часто ставят летом. Например, когда мы сестру выдавали, папа тоже ставил юрту во дворе, прямо на асфальте. Правда, было очень красиво и удобно, так как те, кто дома не поместился или ужарился, сидели в юрте и пили кумыс. В этом нет ничего сложного, так как все национальные дела сейчас поставлены как бизнес. Так, юртами лучше всего занимаются монгольские казахи-оралманы: за пять минут они собирают качественные, узорчатые юрты; они сохранили это искусство. Налажен прокат юрт, весьма и весьма бойкий» (Г. Ж.).

Другой заметной чертой именно постсоветского периода является возрождение обычая мусульманской регистрации брака. По словам информантов, он совершается «довольно часто». Происходит либо в мечети, либо в специальном помещении (часто в виде юрты) во Дворце бракосочетания после официальной регистрации, либо даже дома. Обряд осуществляется муллой в присутствии двух свидетелей. Молодожены пьют из чаши воду (*неке су*); по-прежнему считается, что освященную воду молодым дают пить ради того, чтобы их брак был таким же чистым и прозрачным, отвечают на традиционные вопросы, получают свидетельство мечети. В последнее время многие супружеские пары решаются на *неке* через 10—20 лет после регистрации брака и свадьбы (в менее официальной обстановке мулла приходит на дом) и тем как бы подтверждают свой брак перед Богом.

В современном городе, в котором активно идут процессы социальных изменений, невозможно оставаться полностью в рамках традиционных, патриархальных семейных отношений, ибо социальные изменения ведут за собой и субъективное изменение каждой личности. Очевидно, что традиционные ригидные модели семейных отношений и связанных с ними ритуалов у ка-

захов в больших городах уступили и продолжают уступать место более гибким, подвижным формам, эклектичность которых проявляется в смешении старого, понимаемого как новое, с новым, понимаемым как старое, и сверхновым, понимаемым как модное. Это проявляется уже на самом раннем этапе брака — этапе подготовки и проведения свадьбы. При этом, что очень важно, традиционные, архаичные элементы свадебного ритуала, настойчиво вводимые в современную жизнь как обязательные, осознаются как обязательные и не отвергаются, а принимаются молодежью, для которой архаизация социума представляется меньшим злом, чем утрата этнического лица.